

Взгляд первый

Сегодня она пришла в наше «модельное агентство»; светлые длинные волосы, голубые глазки, пухлые, чувственные губки, вздёрнутый носик, веснушки на личике... Мы выдали ей ажурное нижнее бельё с чулками — для позирования. Засмущалась, зарделась. — А как ты думала?, — говорю. Впрочем, долго уговаривать её не пришлось, — вскоре она уже крутилась в своём новом наряде. Руки сами полезли к ней в промежность, а в голове мысли: вот она, перед тобой — живая плоть — делай что хочешь! Она начала брыкаться, мол, мы так не договаривались! Укол её умиряет... Когда имеешь дело с бодрой и резвой куколкой — всегда имеешь риск пораниться. Хе-хе! — Ну что, теперь тебе не хочется драться?, — спрашиваю я её. — То-то же. И начинаю бить её наотмашь по лицу... Уф, умаялся.

Ну вот, ещё одна. Теперь её ждёт «кабинет исправления» с военными приёмами подавления личности и длительная тренировка. Добро пожаловать в мир боли и удовольствия, куколка! Знаете, иногда я испытываю угрызения совести из-за своего участия в работорговле. На самом деле, мне конечно плевать и на женщин и на людей в общем, но иногда появляются приступы сожаления... Иной раз преодолеть эти «приступы» мне помогают мысли, в которых я представляю девушек как скот... Сожалей — не сожалей, а соскочить-то мне уже всё равно не дадут — слишком уж крепко мы повязаны. Так что бесполезны все эти сожаления.

Взгляд второй

Я уже не знаю, сколько пробыла здесь. В том тёмном сыром подвале, в который меня поместили время течёт медленно... Почему же я тебя не послушалась мамочка, когда ты отговаривала меня ехать в эту Москву! Вместе с паспортом они отобрали и моё имя; теперь меня зовут «Пизда». Голову мне остригли налысо, ресницы выщипали, левую ягодицу клеймили. Меня моют ледяной водой из шланга, как псину. Вы знаете какого это? Меня трахают в анус в то время, когда я ем без помощи рук из миски, совсем как псина. А может я и есть псина? Недавно Хозяин сжалился — позволил мне есть из миски руками. Так называемые «тренировки» уже почти сломали мою личность окончательно, и я мысленно разговариваю сама с собой, цепляясь за последние остатки рассудка. Сперва они завязали мне глаза. Надолго. Сказали, что на неделю. В уши мои были вставлены затычки, в рот — кляп. Затем, развязав мои глаза, они запретили мне в их глаза смотреть и разговаривать. Вообще. Недавно мне сказали, что мои глаза вообще могут зашить. Мне также запретили передвигаться на двух ногах. Ещё мне сказали, что когда меня покалечит очередной клиент — жизнь я закончу в снафф-видео. Как корова в убойном цеху. Но я должна жить, жить ради своей младшей сестры Алинки. Алина, как ты там? Свист хлыста. Господи, сколько же это продлится?!

Клиент

Сегодня меня отвезли к богатому толстяку. Я раздеваюсь уже даже без того чтобы он меня об этом попросил. Он смотрит на меня скорее сочувственно, по-отцовски, без похоти. Я уже на коленях; начинаю ласкать его вялый прибор сквозь материю брюк и трусов. Хм, у него небольшой член. Он улыбается... Опять же, сочувственно. Не жалея меня, ублюдок! Не смей меня жалеть! По моим щекам начинают течь слёзы. Быстро беру себя в руки. Ванна. Мы уже голые и я начинаю мылить его грузное тело. Смываю. Присасываюсь к его пупку, вылизываю

— затем разворачиваю. Теперь очередь задницы. Раздвигаю его ягодицы, припадаю к анусу носом и вдыхаю, начинаю лизать... Мы в постели и я скачу на нём, он стонет и кряхтит. Он засыпает и перед тем как заснуть обещает мне, что вытаскает меня из «этого борделя»... Я снова начинаю плакать. «Надежда, неужели это она»?